

The background of the cover is a dramatic, dark blue and black illustration of a turbulent sea. In the foreground, a small, crowded boat is seen struggling against the waves. The overall mood is one of danger and survival.

Виктор Балдоржиев

Горизонты разных лет

Рассказы

18+

Виктор Балдоржиев

**Горизонты разных лет.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Балдоржиев В.

Горизонты разных лет. Сборник рассказов / В. Балдоржиев —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1788-4

В некоторых странах нет земли, но есть сельское хозяйство. У других нет людей, техники, но есть сельское хозяйство. А у нас есть все: земля, люди, предприятия сельхозтехники, рынки – внутренний и внешний. Нет одного – радостной работы, нет сельского хозяйства. Это означает только одно – власти жизнь страны и народа неинтересна и не нужна. А нам? Мне кажется, что за всю свою историю мы ещё не пробовали работать и жить по-настоящему, так жить, чтобы открывать бесконечные горизонты... Автор.

ISBN 978-5-5321-1788-4

© Балдоржиев В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Горизонты разных лет	5
Бедняки и богачи	6
Летящий к горизонту	8
В долине Борзянки	10
ЗАКЛИНАНИЕ ОБОРОТНЯ	12
ТОСКА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Горизонты разных лет

В некоторых странах нет земли, но есть сельское хозяйство. У других нет людей, техники, но есть сельское хозяйство. А у нас есть все: земля, люди, предприятия сельхозтехники, рынки – внутренний и внешний. Нет одного – радостной работы, нет сельского хозяйства. Это означает только одно – власти жизнь страны и народа неинтересна и не нужна. А нам?

Мне кажется, что за всю свою историю мы ещё не пробовали работать и жить по-настоящему, так жить, чтобы открывать бесконечные горизонты...

Автор.

Бедняки и богачи

В 2007 году на 476 километров трассы Чита-Забайкальск, которая выходит напрямиком на МАПП (многосторонний автомобильный пункт перехода) в Китай, в голой степи я купил маленькую закусочную для того, чтобы содержать бригаду, которая занималась созданием архитектурно-скульптурного комплекса в память о предках, утверждавших восточные рубежи России. Это было дешевле, чем жить бригадой в гостинице. Люди думали, что я собрался обираловкой заняться, но как всегда ошиблись. У меня были другие задачи, хотя, попутно, мы зарабатывали, кормя всех, кто заезжал к нам. Мимо шла единственная колея железной дороги, по которой непрерывно шли составы, увозя в Китай всё, что можно распилить и увезти из России, но чаще всего это был лес или металлолом. Обратные платформы шли пустые. Думаю, что и сейчас они идут пустые...

Это как раз те места, где «по долинам и по взгорьям...» Рядом была историческая Атаманская сопка, в километрах трёх – станция Мациевской, где были ветхие дореволюционные бараки, в которых жили вихрастые русские ребяташки со своими родителями. Почему я начал с ребяташек?

В один из летних дней я сидел в нашей забегаловке и увидел в окно, что по ковыльной степи к нам бредёт мальчик, таща велосипед. Вот он скрылся в ложбинке, поднялся. Вдруг возле высоких белеющих ковылей его велосипед развалился наполовину. Я вышел на крыльцо и стал ждать.

Мальчик добрался до нас, сказал, что отец его умирает с похмелья и отправил его к нам за пивом, сигаретами и хлебом. Наши девчата из кухни набили его пакет всякой снедью, он выгреб из карманов какую мелочь. Вихрастый, русоволосый с желтизной, в старых штанах и стоптанных сандалиях, он смотрел на меня не по-детски строгими глазами, собираясь проститься.

У меня неровно забилося сердце, и я предложил подвезти его. Он достойно согласился. Мы сели в мой минивэн «Toyota Noah». У высоких ковылей остановились и загрузили в багажник его велосипед. Меня поразил год выпуска – 1961. Видимо, был в аварии, а сломался по старой сварке.

Возле барака толпа ребяташек окружила машину:

- Ни фиги себе, Коляха!
- Крутой, дружбан.
- Ничего, батя очухается и сварит заново велик...
- Да его давно пора сдать на металлолом,
- Вместе с батей...
- Ты чо, дурак? А кто варить будет велик?

Мы разгрузили половинки его велосипеда, который сварит чей-то батя, видимо, сварщик. И я с щемящим сердцем поехал обратно. Долго стоял на переезде, выжидая, когда пройдёт состав, везущий в Китай настоящий кедр. Много кедров. Его вывозили уже с месяц... Попадались платформы с металлоломом, откуда торчали остовы кроватей, велосипедов, ванн, тазов...

Поздней осенью того же года дул пронизывающий ветер. В нашу тёплую забегаловку ввалились два закоченевших, худых на вид, подростка в старых солдатских бушлатах. Встали у двери, робко озираясь, опьяневшие от вкусных запахов кухни.

- Откуда идёте, бойцы? – спросил я.
- Из Дд-даурии, – ответил заикаясь один из них.
- Всё время?

– А как иначе? Всё время, когда трассой, когда степью...

До Даурии было 30 километров. Это старинная станция, где уцелели казармы ещё царской армии и забайкальских казаков, где в гражданскую войну базировалась дикая дивизия барона Унгерна.

– Кирпич ломали. Казармы уже который год разбирают.

– Зарабатываете так?

– А как иначе? Но сегодня хозяин выгнал нас. Ленивые говорят.

Какая-то душная волна откуда-то издалека подкатила к моему горлу. Я отвернулся и спросил:

– После школы учиться собираетесь?

– Деньги же нужны...

Мы поставили у границы памятник в 2008 году. Через два года я переехал из города в село, но два этих случая из моей жизни у границы Китая остались в памяти. В последние годы замечаю, что по селу ходят подростки с топорами. Просят колоть дрова. В прошлом году за машину дрова они брали 1500 рублей, теперь, наверное, 2000.

Они убираются во дворах, хлевах, колют дрова, делают любую работу. Внук мой, приезжая на каникулы, вливается в какую-то бригаду сверстников, приходит поздно и гордо объявляет, что они работали у тех-то или у тех-то и заработали деньги. Я видел эти жалкие деньги, на которые можно купить только сахарную вату или китайские безделушки однодневки. Этим ребятам никто не даст такого образования ни в школе, ни в других заведениях, которое могло бы соперничать с людьми других государств и обеспечивать самих себя. Мир чистогана поглотит их жизнь.

Думая обо всех этих детях, я вспоминаю себя в их возрасте. Начиная с 6-7 лет, меня отправляли на сенокос, где мальчики моего возраста таскали на конях волокуши с копнами, повзрослев, садились на конные грабли, далее – на косилку.

Сельские работы – настоящий Здоровый Образ Жизни.

Хорошо помню свою первую заработную плату в 1961 или 1962 году – 40 рублей и воз сена. Я обеспечил половину зимы своей домашней скотине! Потом мы работали на стрижке овец. Осенью 1968 году меня отправили в пионерский лагерь «Орлёнок», где я вдохновенно читал Пушкина и Лермонтова. А в пути я угощал всех городских сверстников: ведь у меня было 200 рублей своих денег! В то лето я заработал 356 рублей, на следующее – 424, потом – 600. Мотоцикл купил на свои деньги.

Деньги нам платил колхоз. В совхозах или на фабриках тоже иногда работали дети, им платило государство.

И в любой институт я мог поступить бесплатно.

Давно я не был на 476 километре трассы в Китай. Но знаю, что составы с лесом и всем, что можно вывезти из Russia идут непрерывно. Много и много лет. Выросли дети на Мациевской и в Даурии, Читинскую область переименовали в Забайкальский край, миновали и снова грянули кризисы. А из Russia всё вывозят и вывозят...

Был я и в Китае. Видел воочию мощь и красоту. Человек никогда и ничего не узнает, пока у него не будет сравнения.

Просто я не вижу государства, но знаю о ворах и грабителях, которые называют эту территорию Russia.

Летящий к горизонту

Помню летящий по степи тяжёлый мотоцикл с коляской, мелькающую вдоль обочин высокую траву и бегущую рядом со мной, смеющимся в коляске, высунув алый язык остроухую овчарку. Через много лет отец объяснил: 1957 год, мне два с половиной года, мотоцикл «Ирбит», собака – Пальма. Мы переезжаем на колхозную культбазу у речки Борзя.

Мнение среды: если ребёнок до шести лет не научился к самостоятельности, то дальше будет только обузой другим. Сейчас даже трудно представить, что шестилетний ребёнок может не только ездить или скакать на коне, но и зарабатывать.

Отчётливо помню лето 1961 года...

Мы стоим большой бригадой на сухом участке долины Борзи, в просторечии – Борзянки. Здесь, можно сказать, – родильный дом реки Онон, её среднее течение, вся рыба в этом месте заворачивает сюда, выходя нереститься на заливы. Вокруг – океанские волны трав, попеременно с мерцающей водой, откуда мужики часто приносят здоровенных сазанов.

Мы – сенокосная бригада. Я и мой друг Сашка – на волокуше. Таскаем копны. Живём с подростками в шалаше. Поодаль пасутся кони.

На рассвете меня аккуратно будит кто-то из взрослых. Выхожу из шалаша, бегу в травы и сразу становлюсь мокрым от росы. От реки плывут и клубятся белёсые туманы, сквозь клочья их пробиваются первые лучи рассветного солнца. Вся долина озарена алым и бронзовым сиянием. И кони в тумане тоже алые, отсвечивают золотистой и мягкой пылью. Они удивленно поднимают большие головы и стоят в ожидании мужиков и меня, идущих по траве к ним, чтобы снять с них треноги и зауздать. Я всегда увязываюсь за взрослыми и первым бегу к своим коням.

Потом кто-то из парней посадит меня на моего старого и белого мерина в рыжих пятнах. Мы скачем в лучах солнца в бригаду. Наспех завтракаем и впрягаемся в работу.

Жизнь здесь размеренная, ритмичная и привычная. Подростки помогут мне и Сашке впрячь коней, протянуть от их хомутов длинные постромки к волокушам. И мы до обеда подтаскиваем душистые копны к зародам, которые ставят сверкающими вилами мужики.

На обед не спеша едем или скачем на своих конях к бригадному стану.

Через несколько лет, уже подростком, я обучал вместе со взрослыми диких коней. Но привыкал к этой жёсткой и дикой забаве там, на Борзянке, ещё шестилетним. А ведь мог погибнуть под копытами...

Однажды вечером сельские парни, недавно пришедшие из армии, поймали длинным икрюком жеребёнка, который ходил в бригадном табуне вместе с матерью. Закрутили петлю и, подтянув его ближе, прижали за уши к земле, надели узду. Жеребёнок отчаянно пытался вырваться из рук крепких парней. Один из них оглядел нас, окруживших схватку, и крикнул:

– Кто смелый?

Конечно, смелым оказался наш дурак, то есть я.

Парни посадили меня на жеребёнка, вручили поводья узды, и разом отпрянули в стороны. И понёс меня ошалевший от испуга жеребёнок в долину Борзянки. И небо, и залив, и дальние сопки – всё смешалось и завертелось вместе с брызгами воды перед глазами. И разом померкло. А ещё через мгновение, сквозь пелену тёплой воды, я увидел мчащегося к горизонту с победно задраным хвостом жеребёнка. Он сбросил меня в залив!

А парней гонял кнутом по степи, сурово распекал и грозил судом старый колхозный бригадир. Ведь малец мог убиться...

На следующий год мы пошли в школу. Потом полетели дни, месяцы, годы... Но до сего дня помню себя, шестилетнего, свой первый сенокос, свою первую зарплату (нам зачитывали!), своих первых коней. Иногда вижу во сне летящего к горизонту жеребёнка из колхозного табуна...

Уехав отсюда в юности, через много лет почувствовав приближение старости, я вернулся обратно. Напарник, мой Сашка почему-то оказался в Израиле, остальные сверстники – в разных городах и весях России.

О слове и речке Борзя могу рассказывать долго. Это у самой монгольской границы. Больше нигде такого названия не встречал. На самом деле слово означает обрусевшее название рода Чингисхана – Бооржа, Боржигин. Здесь всюду – Борзя, одних только речек, наверное, до десяти, город Борзя, село Боржигантай. Принадлежащий боржигинам, места боржигинов. В современной Монголии, а также в других, кроме наших, местах России таких названий нет. На всех картах зарождения монгольской империи регион среднего течения Онона и Борзи обозначен, как место сосредоточение боржигинов и родственных им племён, откуда они начали расширение своих владений.

Возможно, что название распространилось вместе со своими обладателями по всему миру, и теперь видоизменено и обозначается с разными приставками типа эль, иль, юрт и т. д. и т. п. Бордж, Борж, Бурдж, Барж, а то и Бордж, Борджа, или же слово изменено не узнаваемости.

Для нас она осталась Борзянкой.

В долине Борзянки

В четырнадцать лет я уже считался вполне взрослым и самостоятельным человеком, то есть – добытчиком и кормильцем. 50 овец за смену остригал, не шутка! На ВДНХ грозились везти, народу показывать... Но пока увозили на сенокос, который начинался после стрижки овец.

Любые работы в селе – дело обычное. У нас заведено так: если ребёнок до пяти-шести лет не понял, что надо помогать взрослым, то так и останется на всю жизнь бесполезным паразитом.

В любом селе или колхозе все работы от сезона до сезона. В нашем колхозе было более 70 000 тысяч взрослых овец, с ягнятами переваливало за 100 000. Стрижка начиналась в середине июня. В каждом колхозе был свой стригальный пункт, где во время стрижки все гремело, звенело, кричало и бляло круглосуточно. Тишина наступала примерно через месяц.

Начинали готовиться к сенокосу. Дети села разъезжались по чабанским стоянкам. В одно время отец увозил меня к дедушке Начину, где собирались его внуки, мои друзья и погодки.

Стоянка находилась на пологой сопке у речки Борзя, правого притока Онона, которую мы называли Борзянкой. В середине 1960-х годов это была довольно шустрая и полноводная речка. Перейти или переплыть Борзянку можно было в три-четыре взмаха: от берега до берега не более 6-7 метров, но местами попадались глубокие ямы, где отдыхали налимы.

Изгибаясь и отблёскивая серебром на поворотах, Борзянка бежала с Кукульбейских гор по плодородной долине между пологими забайкальскими сопками. Плодородной она была в смысле травы, которая в долине росла всегда. Кроме травы, там была ещё и рыба в заливах. Особенно в половодье, когда вся долина заполнялась водой и являла золотистое и подрагивающее над водой марево.

На нерест шёл сазан. Златопёрый он или серебристый не помню, да и не видел давно сазана из Борзянки. Но помню, что он был на удивление крупный. Торпеда, а не рыба!

Обилие рыбы объясняется просто: Борзянка – родильный дом Онона. Вся рыба Онона стремится в эту долину. Ночью долина становилась светящимся множеством огней городом: народ лучил и колол рыбу. Медленные огни в центре заливов – браконьеры с фонарями и острогами, мечущиеся лихорадочно по склону сопки, то есть по дорогам, фары – милиция и рыбнадзор. Браконьеров так много, что охранники флоры и фауны в растерянности и не знают кого, как и в какую очередь ловить.

Налетало на Борзянку всё военное и промышленное Забайкалье.

Бог с ней, промышленностью, её и тогда было мало, а сейчас и вовсе нет, но Забайкалье без военных – пустыня. С довоенных лет и после войны в наших степях побывали, наверное, все маршалы и генералы страны. Казалось, что здесь служит весь Советский Союз. Особенно в грозящем Китаю городе Борзя на берегу Борзянки.

Огни в долине затухали только с началом пальбы. Милиция и рыбнадзор стреляли в воздух и предупреждали в рупоры и громкоговорители, что мирная рыбалка может перерасти в никому ненужную трагедию.

Но такое многолюдье и веселье случалось только в июне, когда в колхозе всюду звенела стрижка. Естественно, появиться на речке мы могли только ночью.

Ко времени сенокоса нерест заканчивался, хотя в заливах рыба всё ещё плескалась, а браконьеры не спешили покидать речку.

Весёлый майор из Шерловой Горы, часто бывавший на Борзянке, подарил мне сеть-трехстенку. Нитка была прочнейшей. Но каждый раз вместе с пойманной рыбой и порванной в лохмотья сетью, я вытаскивал застрявших в ячеях раздувшихся ондатров. Старуха дедушка Начина была довольна: шкурки ондатров я отдавал ей, а тушки скармливал собакам. На стоянке их было два – маленькая Чапа непонятной породы и овчарка Казбек.

В шесть утра, когда солнце уже было над дальней сопкой, поёживаясь от холода, я нетерпеливо сбегал к речке и уже у берега чувствовал, что верёвка туго натянута, а по воде идёт рябь. А потом целый день чинил порванную ондатрами сеть.

Сенокос ещё не начался, взрослые ремонтировали инструменты и технику, никто и ни в чём мне не препятствовал: ведь я кормил нашу маленькую бригаду: иногда притаскивал уток, чаще – рыбу.

Охотничьего азарта у меня нет и не было. Но природа зовёт каждого – озеро, речка, высокие камыши и травы. Обилие рыбы и живности. И мы носились вдоль Борзянки с моим Казбеком, иногда переплывали речку, но чаще рыбачили или охотились на своём берегу.

После середины лета уровень воды в долине и реке становился меньше.

В августе по всей долине выростали зароды сена. Оставлял свои забавы и я, впрягался вместе со взрослыми в работу. Трудились все. Ничего не делающего человека в нашей среде просто не могло быть.

Малолетки – на конных волокушах, подростки – на конных граблях, постарше – на конной сенокосилке, а физически крепкие – мётчики зародов.

Иногда перед рассветом я успевал сбегать на Утиное озеро или вытащить поставленную на речке сеть. В некоторые дни взрослые сами гнали меня и Казбека на охоту, о которой я иногда начисто забывал, залюбовавшись на Утином озере рассветом.

Онемевший от нежного ликования и весь залитый розоватыми лучами восходящего солнца перед самым прилётом стремительных чирков, я забывал в эти минуты о себе и, тем более, о ружье.

Вернулся на Борзянку я через сорок с лишним лет. Земляки мне сказали, что вода в речке появляется только местами, рыба из Онона не заходит. Ондатра исчезла вся. Сазан забыл свой роддом. Люди давно не видели гусей и уток. В степи уже двадцать лет длится засуха...

А когда появился Скаре, возник в мониторе друг моего детства Витя Добрынин, который всю жизнь проработал в Кемерово шахтёром.

– Отправь мне фотографии с Борзянки! – просил он в монитор.

– Приезжай, да съезди сам! – отвечал я ему, боясь говорить правду.

Он не приехал, может быть, ему отправили фотографии другие...

Теперь каждое лето я стараюсь побывать на Борзянке. Вода в русле появляется, иногда – много. Говорят, что речка прибывает с каждым годом.

Буду ждать и ворожить большую воду воспоминаниями о детстве.

ЗАКЛИНАНИЕ ОБОРОТНЯ

Лейтенант Иван Черкасов прошел через всю войну, видел много смертей, не любил писателей и военных песен. С русокосой женой Наташей и изумрудным немецким аккордеоном он пересек в эшелоне просторы страны, прибыл в кузове полуторки на маленькую заставу у монгольской границы, поселился в угловой комнате бревенчатой казармы и за восемь лет дослужился до капитана. Вокруг была степь, степь и степь, куда из красноярских лагерей возвращались уцелевшие ламы.

Ветер гнал золотистые ковыльные волны и развевал черный чуб смуглолицего капитана, который в голубой майке сидел на ступеньке крыльца казармы и, перебирая перламутровые клавиши аккордеона, напевал в тоскливой тишине:

На зеленом лугу мы сидели,
Целовала Наташа меня...

На загорелых и мускулистых плечах розовели зажившие рубцы, а в глубине черных глаз плескалась печаль. Солдаты любили капитана, капитан любил свою жену Наташу, которая еще совсем недавно выходила из комнаты в легком белом платье и носила в блестящем ведре воду из колодца. Но она недавно умерла.

Беда пришла неожиданно. Черкасов охотился вместе со своим другом, деревенским учителем-бурятом Азаровым. Учитель играл вечерами на скрипке, а очарованный капитан слушал удивительную музыку, рассказывающую о степи. На тарахтящем мотоцикле учителя они мчались в клубящейся пыли мимо стремительного стада дзеренов, и Черкасов, белозубо смеясь и не целясь, стрелял в мечущееся живое месиво. Он убил трех маток и вернулся с Азаровым на заставу лунной ночью, чтобы отправить на телеге наряд за добычей. На крыльце штаба заставы вспыхивали красные огоньки сигарок. Охотников встретили испуганные и бледные лица солдат. В окне комнаты капитана мерцал желтый свет керосиновой лампы и металась тень в пилотке, видимо, дневального...

- Наталья Павловна умирает! - дрожащим шепотом сообщил высокий и худой Гайнутдинов, старшина заставы.

- Боря, в больницу! - крикнул ошалевший Черкасов, лихорадочно открывая дверь казармы.

Мотоцикл взревел и подпрыгнул. Рассекая белым лучом ночь, Азаров помчался по влажным травам в районный центр... Уставший, он вернулся утром с молоденьким доктором. Закрыв лицо ладонями, оцепеневший Черкасов сидел на табурете и даже не повернулся на стук двери. Наташа умерла.

- Сердце, - глухо сказал доктор Азарову, садясь на высокое заднее сиденье зеленого мотоцикла.

После похорон жизнь на заставе замерла. Черкасов окаменел и онемел. Белый ступок солнца плавился в знойном небе и опалял высокие тополя вокруг штаба и казармы, шифер и побелевшие гимнастерки солдат. Воздух струился. Только над сухими травами иногда взмывали жирные желтоватые тарбаганы и, лениво пересвистываясь, удивленно всматривались в даль, где в знойном мареве бледно голубела и подрагивала монгольская степь.

Только через месяц Черкасов услышал скрипку Азарова. Тогда он снова тронул клавиши аккордеона и вспомнил забытую мелодию, смеющееся лицо жены, но от этого тоска не таяла, а становилась острее.

Ночью капитан проснулся от торопливого и знакомого стука каблуков. Шла жена. Обрадованный, он проснулся и сел на кровать, собираясь закурить. Но рука его вдруг замерла над коробком спичек. Наташа умерла, ее нет! Шаги приближались. В каптерке испуганно вскрик-

нул Гайнутдинов, тоненько и плаксиво заверещал кто-то из солдат. Неожиданно в комнате запахло плесенью и стало холодно. А неистовая луна заливала смятую постель капитана брызжущим и зеленоватым сиянием. Черкасов сходил с ума.

Заскрипела и медленно открылась дверь. Капитан отшатнулся к стене и вскрикнул: в проеме двери, в белом платье, стояла Наташа с ниспадавшей на грудь распущенной косой. Но знакомое лицо было чужим и мертвым. Она долго смотрела на обезумевшего мужа, потом медленно пошла по холодному полу длинной и узкой казармы мимо оцепеневших солдат, стоявших у своих кроватей в белых рубашках и кальсонах. Тягуче открылась дверь, белое платье выплыло в ночь и растворилось в лунном сиянии.

- Товарищ капитан, товарищ капитан, - испуганно зашептал очнувшийся Гайнутдинов, - это была ведьма... ведьма... Татары знают ведьму... Надо к бурятам ехать, это их земля, они тоже знают ведьму...

Постаревший Черкасов нетвердыми шагами вышел из комнаты к солдатам.

В черные волосы смуглого капитана вплелась седина. Застава потеряла покой. Знакомая и чужая Наташа в белом платье приходила в казарму каждую ночь и исчезала с рассветом. А однажды старшина Гайнутдинов сказал капитану, что слышал как она перебирает бумаги в канцелярии штаба.

Рано утром, оседлав высокого вороного, Черкасов отправился в деревеньку, избы которой были рассыпаны по берегу маленькой речки. Высоко вскидывая голову, вороной шел резвой рысью. Из труб серых юрт в небо поднимался дымок, лениво тьякали лохматые чабанские собаки, у подножий сопков паслись овцы и жирные дрофы, а в болотистых низинах поднимали из высокой травы остроклювые головы цапли. Плавно и грузно пролетали над всадником журавли. Черкасов повеселел и вспоминал свое детство в донской степи, цыгановатые лица родных и знакомых людей.

Во всех юртах и в деревеньке уже знали, что по ночам на заставу приходит умершая жена капитана, которая при жизни была как белый цветок в зеленой степи.

- Ваня, это не твоя Наташа, это - оборотень! - сказал, сверкнув глазами, скуластый Азаров.

Его жена, веселая и черноглазая Дулма, испуганно вскрикнула и уставилась на поседевшего Черкасова, который выжидательно смотрел на Азарова. Капитан не верил ни в бога, ни в черта.

- Надо ехать к заклинателю, мы его называем жодчи, - продолжал уже спокойнее учитель, пододвигая другу зеленую кружку с крепким и забеленным чаем. - Сейчас много лам освободили из лагерей. Жди, вечером я привезу на заставу Гылыг-ламу, он - заклинатель.

- Боря, а этот... лама убьет... оборотня? - неуверенно спросил Черкасов осипшим голосом.

- Не убьет, а только прогонит, - невозмутимо ответил учитель.

- Он наш друг и очень хороший человек, - добавила Дулма, ловко разделявая маленьким ножом жирную тушку тарбагана. Черкасов часто приезжал к учителю и был в этом доме своим человеком. Наташа дружила с Дулмой и тоже ела тарбаганье мясо. Они привыкли к степи и знали, что мясо и жир тарбагана очень полезны для здоровья. Коммунист Черкасов искренне дружил с охотником-учителем, который часто приезжал на заставу и играл на своей знаменитой скрипке. Но раньше капитан ни за что бы не поверил, что Азаров верит в оборотней, ведьм и знает с ламами.

Пылающий розовый круг солнца повис над дальней сопкой, от тополей легли длинные тени, и степь розово заголубела, когда Черкасов услышал далекое тарыхтенье и увидел показавшийся в степи мотоцикл с двумя седоками. Что-то громко и весело крикнул Гайнутдинов, засуетились солдаты и понесли из столовой в казарму коротконогий столик, который надо было поставить для заклинателя.

Лама был лыс, мускулист и одет в русскую одежду. У него была овальная голова с выпуклым теменем и приятное светлое лицо. Живые и черные глаза разом охватывали и степь, и заставу, и людей. Азаров нес за ним желтый кожаный чемодан.

Заложив руки за спину и чуть сутулясь, лама ходил из угла в угол казармы и раздумывал. Черкасов вдруг отметил про себя, что так ходят заключенные и солдаты из штрафного батальона.

- Гылыг-лама пятнадцать лет жил в красноярских лагерях и вернулся в степь, - негромко рассказывал Азаров, когда капитан вышел на крыльцо казармы. - Помнишь, Ваня, у меня был гнойный нарыв ниже колена? Гылыг-лама нашел в степи белый камешек и обвел им вокруг нарыва. А ночью весь гной и вытек.

Видимо, учитель уважал ламу и радовался его освобождению и появлению в степи. Черкасов наклонился к нему и спросил:

- Твой друг – лама может уничтожить привидение?

- Человек напрасно думает, что может убить то, что не им создано. У всякого создания есть свой творец. Мы не можем уничтожить то, что существует. Но мы вполне можем договориться с ним или запретить ему мешать людям, - вдруг на чистом русском языке сказал лама, выходя из казармы.

- Мне кажется, что в монгольском языке нет слова - лечить, - добавил Азаров, - вместо этого мы говорим - заклинать.

В сумерках лама с Гайнутдиновым возжег благовония. Сизый слоистый дым и ароматные запахи трав поплыли по казарме. Солдаты повеселели и столпились у дверей каптерки, где жил старшина. Черкасов с Азаровым остались в комнате капитана. Лама открыл желтый чемодан и облачился в диковинную красно-желтую одежду, с прицепленными бубенчиками и развевающимися кистями. Потом он быстро нахлобучил на голову высокую и круто изогнутую желтую шапку, с ниспадавшей на лицо черной шерстяной накидкой. На столике, поставленном у самого входа, заклинатель разложил много вещей: продолговатую книгу, обернутую красным шелком, два больших бубна, огромную белую раковину, короткую трубчатую кость с прорезями и бронзовый колокольчик.

- Лампу зажигать не надо, - глухо сказал он из-под накидки, повернувшись к старшине и признавая в нем сообщника.

Ночь выдалась безлунной и темной. Липкий страх снова стал вползать в казарму. Но вдруг послышался громкий и утробный голос лампы, потом несколько раз прогремели бубны, тонко зазвенел колокольчик, и вдруг призывно зарокотала раковина. Черкасов вздрогнул и перед его глазами возник берег Балтийского моря: соленые, пенные волны с шумом набегали на песок и раскачивали трупы немецких солдат, женщин и детей... Вдруг на капитана навалилась тяжелая дрема, но громкие и грозные выкрики лампы не прекращались. Черкасов потерял счет времени. Очнувшись на мгновение, он вдруг услышал знакомый и страшный скрип двери. Кто-то пытался открыть снаружи дверь и не мог. Смутный и грузный контур лампы высоко подпрыгивал перед дверью, звенели бубенчики на одежде. Лама размахивал руками и что-то страшно выкрикивал в экстазе, чувствовалось, что он изнемогает, а дверь вот-вот распахнется. Вдруг тонко и пронзительно остро завывла костяная труба, скрип прекратился, и дверь захлопнулась.

Черкасов провалился в сон... Русокосая и веселая Наташа бежала по зеленому лугу, потом капитан увидел себя с винтовкой в руке и высоко прыгнувшую в смертельном полете матку дзерена. Поседевший капитан плакал и смеялся во сне.

Утром разбудил его Азаров, и он услышал веселый смех старшины Гайнутдинова. Капитан сразу подумал, что пора отправлять на границу наряд и вышел из комнаты. Солнечные лучи окрасили в теплый бронзовый цвет стены и крыльцо казармы. Под стрехой крыши красногрудые ласточки, вцепившись коготками в края ажурных глиняных гнезд, весело переговаривались и кормили птенцов. Гылыг-лама в русской одежде стоял под тополями и оживленно раз-

говаривал с солдатами. Капитан снова почувствовал волнующие и призывные запахи утренней степи и услышал курлыканье журавлей...

Через три дня после заклинания оборотня Черкасов выехал на охоту с Азаровым. Тарахтел по зеленой степи мотоцикл, взмывали над травами тарбаганы, из-за спин охотников выглядывали поблескивающие стволы винтовок. Обогнув пологую сопку, друзья увидели летящее по заголубевшей полуденной степи стадо дзеренов. Мотоцикл резко остановился, Азаров с Черкасовым прыгнули на землю.

- Достану! - азартно крикнул Азаров и вскинул увесистую винтовку. Но поседевший капитан вдруг тоскливо и умоляюще прошептал:

- Не надо, Боря, не стреляй...

6 июня 1999 года. г. Чита.

ТОСКА

Какие короткие ночи серебрят кункурскую степь! Не успеет прокуковать беспокойная кукушка свою песню, как розовеет восток, и медленно алеют стволы березок перед тремя юртами. А папа встает еще раньше. Цыпылма слышит, как позванивают стремена, уздечки, шумно вздыхают за стеной юрты коровы и овцы. Она знает, что овец летом надо пасти по холодку, тогда они до полуденного зноя успеют наестся сочной травы.

- Ночью опять выли волки, - тихо говорит отец матери. Он беспокоится за верблюдов, которые с верблюжатами уходят далеко от стойбища. Цыпылма катается зимой на самом большом верблюде! Летом все живут сыто. Это очень плохой признак, если воют сытые волки. Но что ж, надо вставать, дел у Цыпылмы много...

Как быстро пролетает день! Только что было утро, но вот уже подкрался вечер. А сколько событий произошло за это время, сколько дел Цыпылма успела переделать, день промелькнул какими-то шумными и пестрыми обрывками!

И вот уже поскрипывает телега, груженная прутьями тальника. Степь пахнет ая-гангой,¹ дыханием овец и кобыльим молоком. Цыпылма взрослая, ей десять лет. Она задумчиво едет по степи и посматривает по сторонам, где в голубоватой дымке купаются вершины сопок, редкие сосны, а из чернеющих зарослей кустарника возвышаются стайки белых берез... Да, Цыпылма уже взрослая, теперь ее редко выпроваживают старшие во время разговоров и пересудов, а папа не подкидывает высоко, как сестренку.

Поскрипывает телега, пофыркивает конь. Цыпылма посматривает по сторонам. Теперь все посматривают и прислушиваются. Бандитов боятся. Они разные. Есть красные бандиты, есть - белые. Эти русские. Есть бандиты буряты. Все они говорят, что будет хорошая жизнь. Но дедушка Содном сказал, что с бандитами никакой жизни не бывает, что хорошие они или плохие, но все равно бандиты... И откуда их так много появилось в степи?

Днем дети играли. Взрослые маленькое облачко пыли заметят в степи и волнуются, а детям лишь бы играть. Еще утром Цыпылма снова была маленькой, веселилась со всеми ребятами стойбища. Там были толстые мальчики Боро, Сада и Митыпка, румяные плаксы Хубушка и Даримка, кругленькая сестренка Цыпылмы, хохотушка Бутидка, которую все зовут Мячиком. Все говорят, что Цыпылма в отца, она остроглазая, узколикая, нос у нее с горбинкой. А Бутидка - в мать, округлая, плотная и резвая. Цыпылма смуглолицая, а Бутидка белолицая. Лицо сестренки в крапинках, похоже на яйцо жаворонка, круглое и доброе. Как кункурская степь, смеется папа... Пестрая ватага ребятшек носилась по песчаным оврагам, вокруг юрт, телег, стаяк и мухуликов.² Сначала они бегали просто так, потом устали и решили играть в прятки, причем Мячик находилась сразу: она не могла долго усидеть на одном месте, то безудержно хохотала, то неожиданно пыталась куда-то катиться! Потом ватага разделилась на волков и тарбаганов. Боро и Сада вывернули ягнячьи шапки-малгаи и стали страшными оскаленными волками, а Митыпка с девочками сразу превратились в толстых и жирных тарбаган и их детенышей-мундулят. Они азартно носились от черты до черты, но все равно попадались в пасти, то есть в руки, волков - Боро и Сада. А Бутидка звонко, взвизгивая и подвзвизгивая, смеялась и резво катилась мимо хищников и ни разу не попала! Буйно поднималась пыль, мелькали смеющиеся смуглые рожицы, косички, малгаи и халаты. Цыпылма совсем забыла, что она взрослая... Потом все ходили к дяде Намжилу - играть в лодыжки-альчики. У них в

---

¹ Ая-ганга – белая полынь и богородская трава.

² Стайка -хлев (диалект.). Ононские буряты обычно плели хлев из ивовых прутьев и наглухо обмазывали коровьим помехом и глиной. Мухулик – деревянный короб на повозке для хранения имущества, иногда обшитый железом.

кожаном мешке тысяча и даже больше альчииков. Только взрослые могут пересчитать! Сначала дети просто играли в щелчки, когда щелкают, стреляя в одинаково упавшие альчиики, ведь каждый альчик может встать конем, коровой, козой, овцой или верблюдом. Но вдруг, в середине игры, старший, Боро, смешал все альчиики и начал строить длинный конный ряд.

- В скачки будем играть! - засмеялся младший, румянощекий Митыпка. Все стали выбирать себе коней.

Сколько раз выбранный альчик встанет конем, столько раз и можно будет передвинуть своего коня вдоль ряда. Цыпылма выбрала крашеного, коричневого, коня. У него были отполированные и ровные "ноги", он мог бы обогнать всех, но тут ее позвал отец, прискакавший попить чаю или арсу. Она вспомнила, что договаривалась с отцом пасти овец, что уже взрослая и побежала запрягать в телегу настоящего коня...

- Ты, Нима, посматривай, - говорил отцу дедушка Содном, покуривая черную трубку, украшенную серебром. - В Цаган Челугае, говорят, бандиты людей убили, много скота отобрали... Ой-ёё-ёё, как дальше жить? Красные, белые...

Перед глазами Цыпылмы начинали мелькать то красные, то белые оскаленные рожи, каждая с горящими тремя глазами и множеством рук и ног, как на картинках в дацане, где она была однажды с отцом. Тогда мама сшила ей красивый зеленый халат и круглую острроверхую шапочку с малиновыми кистями.

Они живут в юрте вчетвером: папа, мама, Цыпылма и Мячик-Бутидка, которая уже просится вместе с отцом и Цыпылмой пасти овец. Она и сегодня вот-вот готова была разреваться, но отец погладил ее по голове, поднял на руки и рассмеялся:

- Вот какая у меня большая и круглая дочка-мячик. Мы с Цыпылмой поедем пасти овец и готовить дрова. А кто будет помогать маме, а?

И хохотушка Бутидка осталась помогать маме, хотя сразу побежала в юрту дяди Намжила, где ребяташки продолжали играть в альчиики. Интересно, чей конь обогнал всех?

В полдень, когда овцы от жары сбились в кучу, отец нарубил прутья тальника, ближе к вечеру они погнали овец к стойбищу. По пути видели свой скот. У них пять коней, четыре верблюда, десять коров и семь десятков овец. Люди говорят, что они живут хорошо потому, что Нима работающий и славный человек. Отец Цыпылмы не пьет архи, не играет в карты и не любит таких людей. Он даже не разговаривает с ними, хотя их очень много. Цыпылма видит, что папа работает без отдыха, а когда его русский знакомый сказал, что бывают выходные дни, Нима долго смеялся. Вечерами он играет с дочками, катает на спине Бутидку, рассказывает сказки, иногда что-нибудь мастерит, чаще делает узды, вожжи. А Цыпылма с мамой выделывают овчины, вяжут волосяные веревки из конской гривы. Только Бутидка пока ничего не делает. Однажды Бутидка-Мячик сказала по большому секрету Цыпылме, что папа у них самый-самый сильный. А Цыпылма сказала Бутидке, что папа у них самый-самый умный, самый-самый добрый, самый-самый... Только она не сказала, что у них будет братишка, об этом мама говорила папе. Тогда папа взлетел в седло и долго скакал на соловом по степи и смеялся... Они все любят папу и слушаются его.

Телега старая, скрипит и повизгивает. На ней еще бабушка Цыпылмы ездил. Овцы не спеша пощипывают траву и идут домой. Они жирные, вон какие у них курдюки! А ягнята почти догоняют маток, большелобые и толстые. Вокруг - песчаные овраги. От закатных лучей солнца сейчас пески лиловые. И Цыпылма, конечно, вся лиловая в своем стареньком халате. А если появятся бандиты, никто не узнает - красные они или белые, все будут лиловыми!

Цыпылма смеется и снова всматривается в дали, потом оглядывается и видит отца, едущего на откормленном гнедом коне с белой звездочкой на лбу. Отец едет за овцами, улыбается Цыпылме и трогает длинной ургой отставшую овцу. Лицо у него матово-смуглое, острое, нос тонкий и с горбинкой. Сейчас отец - бронзовый, как единственный божок в их юрте, перед которым они зажигают лампаду и кладут еду. Там давно лежат четыре конфеты в красивых

обертках. Бутидка-мячик часто уговаривает Цыпылму съесть их, потому что божок все равно ничего не ест, а конфеты станут твердыми. Но Цыпылма знает, что отдавший что-нибудь должен забыть об этом, а взявший - помнить. Так говорит папа. Конфеты они отдали...

Едет Цыпылма, думает. Хорошо ей от закатных лучей и степных запахов! Почему утром всегда шумно и весело, а вечером спокойно и тихо? Она давно не задает отцу вопросов, он и без того устает. А на вопросы должен отвечать сам человек, говорит дедушка Содном. Если кто-то будет отвечать за него, то человек привыкнет и обленится. Цыпылма об этом знает и Бутидке сказала. Она задает много вопросов и может облениться!

Снова и снова Цыпылма всматривается в дали. Как хорошо быть человеком и жить на земле! Величавые и пышные чертоги белых туч окрасили багровые и алые отсветы степного заката, заполыхавшего почти в полнеба, отчего острые верхушки зеленых трав залило ровным розовым сиянием с тонкими золотящимися полосами, где рой за роем мелькали комары и мошкара. В чистом зеркале озера, украсившем впадину, отражались небесные пожары, которые разрезали быстрые тени скользящих над водой птиц и утиные выводки, оставляющие за собой волнистый темный след. В такие тишайшие вечера все в природе прозревает и чувствует свое бессмертие, вбирая в себя редкий миг единства и мира!

Вот и дымом запахло, совсем немного осталось до стойбища.

Едет Цыпылма, посматривает по сторонам. Вокруг - ровная, лиловая и голубоватая даль, тишина... Оглянувшись, а к ней отец подъезжает и виновато улыбается. Наклонился с коня, понюхал голову дочки, погладил шершавой мозолистой рукой. Хорошо стало Цыпылме!

- Вот какая у меня взрослая дочка! - ласково сказал отец, и голос его дрогнул. - Видишь, во-он там пыль поднимается? - Он показал тонкой ургой на север. - Это, доченька, войско какое-то движется за Ножи-нуром. Ты, доченька, гони овец в овраги возле стойбища, а я посмотрю, что это за люди едут.

Где пыль? Ага, во-он там! Надо же, проглядела Цыпылма, хотя глаз не отрывала от горизонта. А отец заметил давно и молчал, надеялся, что пыль далеко стороной обойдет их стойбище.

- Аба,³ может быть, не надо смотреть? - насторожилась и подняла голову Цыпылма, но, встретившись с взглядом отца, замолчала. В карих и добрых глазах отца плескалась тревога, хотя сам он улыбался.

- Нет, доченька, надо посмотреть. Я один мужчина на стойбище.

Отец снова нагнулся, понюхал голову поникшей дочери, потом развернул коня и поскакал, крикнув:

- Прячьте овец и скот в оврагах! Не зажигайте огня...

---

³ Аба – отец, папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.